

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ ОСТРОГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА ЭРМАНАРИХА

И. В. Зиньковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 7 октября 2011 г.

Аннотация: *статья посвящена изучению исторической географии Остроготского королевства Эрманариха IV в. Комплексный анализ письменных и археологических источников показал, что это было крупномасштабное этнополитическое образование, сопоставимое с западноевропейскими варварскими королевствами V–VI вв.*

Ключевые слова: *историческая география, Северное Причерноморье, готы, IV в. н.э., королевство Эрманариха, черняховская культура.*

Abstract: *the article is dedicated to studying of historical geography of Ermanaric's Ostrogothic kingdom, which existed in the 4th century AD. Complex analysis of written and archaeological sources showed that it was a large-scale ethno-political formation comparable to the West European barbarian kingdoms of the 5–6th centuries AD.*

Key words: *historical geography, Northern Black Sea region, Goths, 4th century AD, Ermanaric's kingdom, Chernyakhov culture.*

На рубеже Древности и Средневековья на юге Восточной Европы появилось одно из самых крупных варварских образований, известное как Остроготское королевство Эрманариха (рис. 1). История его взлета, кратковременного расцвета и падения необычна и во многом еще не познана.

Для этого времени археологи отмечают на юге Восточной Европы феномен черняховской культуры, по ряду объективных показателей перешагнувшей тот рубеж, который отделяет варварство от цивилизации [1, с. 66–101]. Возникшее в IV в., в эпоху Великого переселения народов, королевство Эрманариха во многом предвосхитило образование раннесредневековых варварских государств Западной Европы V–VI вв. В этом смысле его история, безусловно, представляет интерес не только для антиковедов, но и для медиевистов, обычно изучающих истоки западноевропейской государственности раннего Средневековья как бы с «чистого листа», без учета того богатого наследия, которое появилось у готов в причерноморскую эпоху их истории. Не меньше, а может быть даже больше «эра Эрманариха» важна для историков России, так как именно тогда в Восточной Европе складывается наиболее крупное потестарное образование из всех предшествующих Киевской Руси. Поэтому по-прежнему актуальной остается проблема изучения остроготской государственности в истории России и Украины как важного этапа в историческом развитии

Восточной Европы. В статье будет рассмотрен только один ее историко-географический аспект, касающийся уточнения территории и масштабов остроготского феномена IV в.

В современной науке существуют крайне полярные оценки масштабов того этнополитического образования, которое известно в источниках под названием «королевство Эрманариха». И в отечественной, и в зарубежной историографии четко прослеживаются два взаимоисключающих подхода в определении рубежей этого потестарного образования. Первый подход, сформулированный в германской историографии второй половины XIX в., восходит к свидетельству Иордана в § 116–120 «Гетики». Готский историк VI в., писавший спустя полтора века после падения Остроготского королевства, представлял его как огромную европейскую державу, включавшую не только приморскую полосу Причерноморья, но и внутренние районы, населенные «северными народами». Большинство современных западноевропейских историков и некоторые российские [2, с. 227–263; 3, с. 208–209] следуют именно этому описанию владений Эрманариха.

Противоположный подход был предложен еще дореволюционными российскими учеными, которые из патриотических соображений никак не могли допустить существование столь масштабного королевства на территории будущей России, созданного готами-германцами задолго до Киевской Руси. В этом смысле весьма показательны взгляды известного

Рис. 1. Королевство Эрманариха на карте Европы IV в.

археолога и историка И. Е. Забелина. Он считал, что «Иордан изобразил историю готов такими чертами, что перед готами побледнели все другие народности» [4, с. 315]. Ученый высказал сомнение в существовании обширной территории остроготского государства и сделал вывод, что все иордановы известия о громадных размерах «Эрманарикова царства» основываются или на ошибке, или на обмане [4, с. 383–385]. Основанием для такого его заключения послужило сопоставление перечня «северных народов» у Иордана и сведений о соседях Киевской Руси у летописца Нестора. «Выходит, что Эрманарик владел Чудью, Корсью, Весью, Мерею, Мордвою, даже Черемисою, а в том числе и Роксоланами... т.е. таким пространством Европейской России, каким не владела и Славная Русь XI века» [4, с. 386].

Данной традиции следовали многие советские историки и археологи. В этом смысле весьма показательны многочисленные публикации академика Б. А. Рыбакова, который произвольно ограничил владения последнего остроготского короля небольшими областями в Приазовье и на Нижнем Днепре [5, с. 37]. Для современных отечественных историков весьма характерна позиция В. Я. Петрухина [6,

с. 137–138]. Он допускает существование варварского королевства на юге Восточной Европы, получившего в историографии наименование «держава Германариха». По его мнению, большая часть этниконов из списка «северных народов» в § 116 «Гетики» Иордана не поддаются ясной интерпретации, но выборочные и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Германариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги [6, с. 137–138]. Нам представляется, что возражения В. Я. Петрухина сторонникам реальности «северных народов», которые по Иордану входили в «державу» Эрманариха, – общего, концептуального порядка [6, с. 137]. Они не связаны с источниковедческим анализом этого свидетельства, а по существу проистекают из традиционного для нашей науки неприятия тех огромных размеров остроготской «державы», которые неизбежно получаются при признании соответствий иордановых и летописных этнонимов (вспомним аналогичный аргумент И. Е. Забелина). Итоговое заключение В. Я. Петрухина звучит так: «При всей неопределенности «этнического состава» Готской державы – неясности значения тех этни-

конов, которые перечислены в списке народов, – очевидно, что список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы» [6, с. 138]. Последнее как раз не столь очевидно, так как в перечне народов у Иордана нет ни одного этникона, который имел бы надежные соответствия в этнонимии Причерноморья предшествующего времени. Не имея здесь возможности детально проанализировать историографический аспект этой проблемы, отсылаем к нашей публикации, специально посвященной данному вопросу [7, с. 123–133]. Ниже мы рассмотрим фактические основания, позволяющие определить территорию и размеры владений последнего остроготского короля.

Данные позднеантичной литературной традиции позволяют в общих чертах определить территорию королевства Эрманариха. Его современник Аммиан Марцеллин обратил внимание на то, что подвластные королю гревтунгов области, куда вторглись гунны, были обширны и плодородны «*late patientes et uberes pagos*» (Амм. Марс., XXXI.3.1). Анализ немногочисленных географических реалий королевства Эрманариха не дает возможности однозначно определить все его рубежи, хотя Иордан однажды упоминает их в самом общем смысле (Get., 123). Аммиан вполне определенно называет только восточную границу готов-гревтунгов с аланами-танаитами – где-то в районе Нижнего Дона, «*quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit*» (Амм. Марс., XXXI.3.1). Современная археология внесла в решение этого вопроса существенные коррективы. В низовьях Дона в последнее время стала известна серия катакомбных погребений кочевнического облика второй половины III–IV вв., обнаруживающих истоки в более ранних аланских могильниках Центрального Кавказа. По месту, времени и культурной принадлежности они не могут принадлежать никому другому, кроме «алан-танаитов» Аммиана [8, с. 80–87; 9, с. 77–91]. Правда, непосредственно к западу от Танаиса/Дона пока не известны археологические памятники, которые можно было бы связать с гревтунгами. По данным археологии, все степное Северо-Западное Приазовье в IV в. не имело какого-либо постоянного населения. Скорее всего, это была своего рода область «взаимного страха» между владениями готов-гревтунгов и алан-танаитов или, по терминологии М. Е. Левады, своего рода «демилитаризованная зона», через которую аланы-кочевники и попадали в Нижнее Подунавье [10, с. 65].

Западной границей между владениями Эрманариха и Атанариха принято считать р. Днестр: «*castris denique prope Danastri margines a Greuthungorum uallo longius opportune metatis...*» (Амм. Марс., XXXI.3.5) [11, S. 251]. В переводе Ю. Кулаковского это звучит

так: «Он [правитель тервингов Атанарих. – И. 3.] разбил большой лагерь на берегах Данастия [Днестра. – И. 3.] в удобной местности поблизости от степей гревтунгов ...» [12, с. 495]. При ознакомлении с этим пассажем в оригинале нам так и осталось не ясно, откуда в этом переводе появились «степи гревтунгов». Х. Вольфрам понимает это место у Аммиана следующим образом: «на берегу реки на достаточном удалении от долины гревтунгов Атанарих разбил свой лагерь». В «долине гревтунгов» австрийский ученый предлагает видеть нижнее течение Днестра от окончания зоны лесов до устья, где, на его взгляд, по обоим берегам и жили гревтунги [13, с. 130, 139; прим. 23]. М. Б. Щукин также склоняется к тому, что в рукописи «*Res Gestae*» могло стоять «*ac vallem*» – «у долины гревтунгов», превратившееся в «*a... uallo*» из-за ошибки переписчиков [3, с. 233]. И все же в дошедшей до нас рукописи стоит: «*a Greuthungorum uallo*». На наш взгляд, В. Зейфарт дал наиболее точный перевод этого фрагмента: «Наконец он [Атанарих. – И. 3.] приказал разбить лагерь на удобном месте вблизи берега Днестра, на большом расстоянии от укрепленной линии гревтунгов» [11, S. 251]. Еще раз заметим, что в оригинале употребляется словосочетание *Greuthungorum uallo*^{*}, которому в этом районе можно найти достаточно близкие географические соответствия.

Полвека назад известный румынский археолог Р. Вульпе идентифицировал «*Greuthungorum uallum*» с Верхним или Северным Траяновым валом в Молдавии. По его мнению, Атанарих не случайно устроил свой лагерь недалеко от «вала гревтунгов», так как гуннская конница могла перейти Днестр только у г. Бендеры («*bender*» с иранского означает «проход») [14, с. 259–270]. Само название «вал гревтунгов» в равной мере могло обозначать и то, что охрана этого вала была поручена гревтунгам, находившимся на службе Империи, и то, что этот вал был построен против гревтунгов [15, с. 79–80]. «Траяновы валы» вполне могли быть времени черняховской культуры, так как подобные сооружения хорошо известны и по письменным источникам. Например, тот же Атанарих, спасаясь от гуннов, вынужден был искать убежища в высоких горах, и стал воздвигать высокую стену (*muros altius*) от берега Прута до Дуная поблизости от области тайфалов (Амм. Марс., XXXI.3.7). Недавно появилась информация о том, что Нижний Траянов вал в Буджаке может быть датирован первыми веками н.э. или даже началом III в. [16, с. 128–139; 17, с. 229–238], т.е. он уже существовал до интересующей

* Следует отметить, что «*a vallo*» – «от вала», «*vallum*» в Abl. Sing.; «*a valle*» – от долины, «*valles*» в Abl. Sing. В данном случае, если точно следовать тексту Аммиана, следует переводить «от вала гревтунгов» или «от укрепленной линии гревтунгов».

нас эпохи, но за давностью времен мог быть связан народной молвой с новыми властелинами причерноморских степей – гревтунгами.

Впрочем, для уточнения западных рубежей владений гревтунгов главным является не то, какое существовавшее (*vallum* или *valles*) стояло в оригинале «*Res Gestae*», а определение самого топонима как *Greuthungorum*. Интересно, что Аммиан под 369 г. сообщает о карательном походе римского императора Валента против готов-тервингов, где после переправы через Дунай и продолжительного перехода он напал на «воинственное племя гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах» (XXVII.5.6). Получается, что в то время последние занимали земли где-то поблизости от низовий Дуная. Таким образом, в южной степной части остроготам были доступны области к западу от р. Днестр [18, с. 16].

Но все же, основной пограничный рубеж между владениями Эрманариха и Атанариха к середине IV в. проходил по Днестру. Позже именно к этой пограничной реке отступили, а затем перешли ее гревтунги под руководством Алатея и Сафрака после разгрома гуннами «державы» Эрманариха (Амм. Марс., XXXI.3.3). Видимо, эта граница между родственными народами тервингов и гревтунгов возникла по

каким-то серьезным этнополитическим причинам. Верхнее и Среднее Поднестровье в то время были заселены многочисленными неготскими племенами, оставившими памятники типа Черепин [19, с. 40–43]. Поэтому можно предположить, что гревтунги были вынуждены селиться преимущественно к востоку, а тервинги – преимущественно к западу от верхнего и среднего течения Днестра. Это наглядно подтверждает карта памятников черняховской культуры (рис. 2). На ней отчетливо видна зона археологической пустоты, проходящая по водоразделу между Южным Бугом и Днестром.

Текст «Гетики» Иордана также не оставляет сомнений в том, что королевство остроготов было весьма масштабным военно-политическим образованием, включавшим при Эрманарихе значительную часть территории Восточной Европы. По представлениям готского историка, его владения простирались между Нижним Доном и Днестром, за которым начинались земли везиготов-тервингов [20, с. 139–141]. В этом отношении его сведения существенно не расходятся с данными Аммиана Марцеллина. Но в отличие от римского историка, Иордан, помимо причерноморского Юга, включил в «державу» Эрманариха отдаленные северные области восточноевропейского

хинтерланда, населенные различными лесостепными и лесными племенами. Среди них он называет и эстов в Прибалтике, и многочисленных венетов, живших к северу от домена остроготского короля, и средневожских *Merens* и *Mordens*, а также другие *arctoi gentes* (Get., 116–119).

Хорошо известно, что когнитивный потенциал письменных источников по этой теме во многом уже исчерпан, что в конечном итоге обусловило кризис традиционной концепции «государства Эрманариха» [21, с. 136]. В сложившейся проблемной ситуации в современной науке нам видится лишь один путь выхода за пределы круга традиционных текстов к новым источникам, которые дает археология.

Современные исследователи не сомневаются в том, что по месту и времени им может соответствовать только черняховская культура. На территории Украины, Молдовы, Румынии и России открыто не менее 3,5 тыс. ее памятников, при этом раскопки

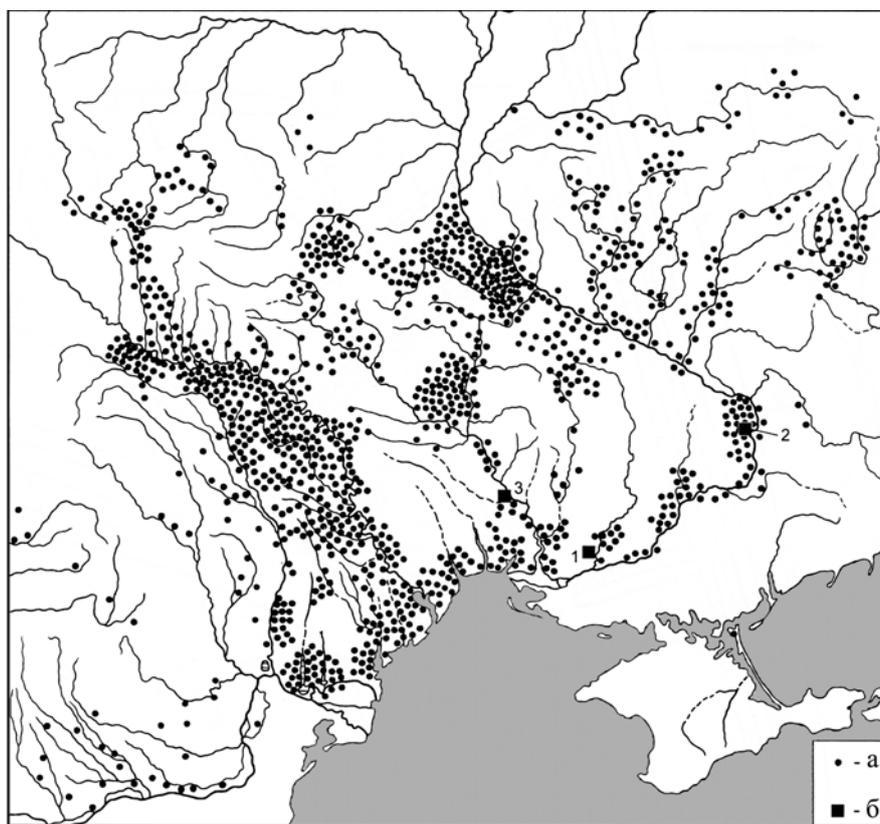

Рис. 2. Карта памятников черняховской культуры:

а – селища и могильники; б – городища:

1 – Александровка; 2 – Башмачка; 3 – Городок

(по: О. А. Гей, Э. А. Сымонович, 1993, карта 23; М. Е. Левада, 2006, рис. 2)

проводились на более чем на 200 поселениях и 120 могильниках [22, с. 11]. В результате исследований черняховских поселений и некрополей накоплена богатая источниковая база, позволяющая решить ряд важных вопросов интересующей нас темы. По времени ее расцвет соответствует культуре полиэтничного образования, известного в письменных источниках как Остроготское королевство Эрманариха. Сейчас уже никак нельзя упрекнуть археологов в пестроте мнений по проблеме этнического содержания черняховской культуры, как это можно было сделать пару десятилетий назад [21, с. 20–23, 46]. Теперь даже археологи-слависты при оценке черняховской этнополитической общности в той или иной степени признают особую роль в ней готов.

Нам кажется, что классическую черняховскую культуру IV в. к востоку от Днестра по аналогии с салтово-маяцкой культурой Хазарского каганата (разумеется, не типологически, а структурно) можно рассматривать как «государственную» культуру королевства Эрманариха [23, с. 189; 24, с. 206–221]. Она являлась материальным отражением процессов объединения различных племен и народов в рамках формирующейся готской потестарности. На всей ее обширной территории с конца III в. происходили сложные процессы распространения вещей единого стиля, инноваций, домостроительных традиций, погребальной обрядности. Все это могло быть археологическим отражением явления *социального аромоза* [25, с. 19–66]. Это понятие объединяет все изменения в развитии социальных организмов, повышающие сложность, приспособленность, интегрированность и взаимное влияние обществ. Они способствовали формированию надобщественных систем разного уровня. Сам факт образования единой археологической культуры с рядом существенных признаков, более свойственных уже ступени цивилизации, весьма показателен. Поэтому в последнее время некоторые исследователи предлагают отказаться от названия «черняховская культура» и заменить его на «черняховскую цивилизацию» или «протоцивилизацию» как на понятие, более соответствующее уровню сложности оставившего его социума [26, с. 36–51; 27, с. 321–322; 28, с. 70; 29, с. 15]. По ряду археологических показателей она не укладывается в рамки традиционных представлений о культурах первобытности.

Картографирование черняховских памятников показало, что в границах IV в. эта культура охватывала огромную территорию – от Северского Донца и верховий Дона на северо-востоке до Дуная на юго-западе, от верховьев Буга и притоков Припяти на северо-западе до нижнего Днестра на юго-востоке [30, с. 125]. Для IV в. исследователи отмечают в Среднем Поднепровье экспансию черняховцев на север и се-

веро-восток, с чем было связано прекращение жизнедеятельности на ряде поселений киевской культуры [31, с. 303–311; 22, с. 141]. На некоторых из них киевский слой был перекрыт черняховским [32, с. 94]. Следующий натиск готов на восток последовал около второй четверти IV в., т.е. в эпоху войн Эрманариха с венетами и северными народами. В это время черняховские памятники массово распространяются вдоль северной границы черноземов до Северского Донца, иногда перекрывая старые киевские поселения. Напомним, что в последние годы не только элементы, но целые комплексы черняховской культуры открыты в Верхнем Подонье (памятники типа Каширки–Седелок) [32, с. 93; 33, с. 235–246; 34, с. 122–140; 35, с. 5]. Их появление в той или иной мере является археологическим отражением относительной перенаселенности в черняховском ареале в IV в. (рис. 3).

Археологи-черняховеды не раз предпринимали попытки районирования огромного ареала черняховской культуры. Так, Б. А. Рыбаков выделил в ней две зоны: северную лесостепную и южную прибрежную. По его убеждению, первая (по его терминологии «лесостепная Черняховщина») совпадает с древней прародиной славян, что позволило ему считать всю черняховскую культуру славянской, точнее антской [5, с. 28, 37–38]. Только вторую степную, причерноморскую зону академик считал допустимым связывать с гревтунгами-остроготами [36, с. 41–46]. Здесь надо заметить, что как раз в этом варианте черняховской культуры менее ощутимо присутствие готов при наличии сарматского и позднескифского этнокультурных компонентов [22, с. 15; 37, с. 165]. В то же время в некоторых лесостепных черняховских памятниках, например, в Компанийцах, бесспорно, присутствуют характерные «восточногерманские» элементы: трупосожжения в урнах, посуда вельбарских и пшеворских форм, оружие [38, с. 111–112, рис. 4].

М. Б. Щукин также предлагает разделить черняховскую культуру на два больших ареала, отделенных зоной пустоты: степных остроготов-гревтунгов и лесных везиготов-тервингов [3, с. 164]. Это широтное разделение чем-то напоминает идею Б. А. Рыбакова о выделении памятников собственно черняховской культуры в лесостепи и «черняхоидных» памятников в степной зоне Причерноморья, но с одним существенным различием – оба ареала Санкт-Петербургский исследователь связывал с готами. На наш взгляд, обе попытки районирования черняховской культуры по зональному принципу представляются не очень удачными, особенно для выявления внутренней структуры черняховского социума, так как не обладают необходимой «разрешающей» способностью для выполнения интересующей нас задачи.

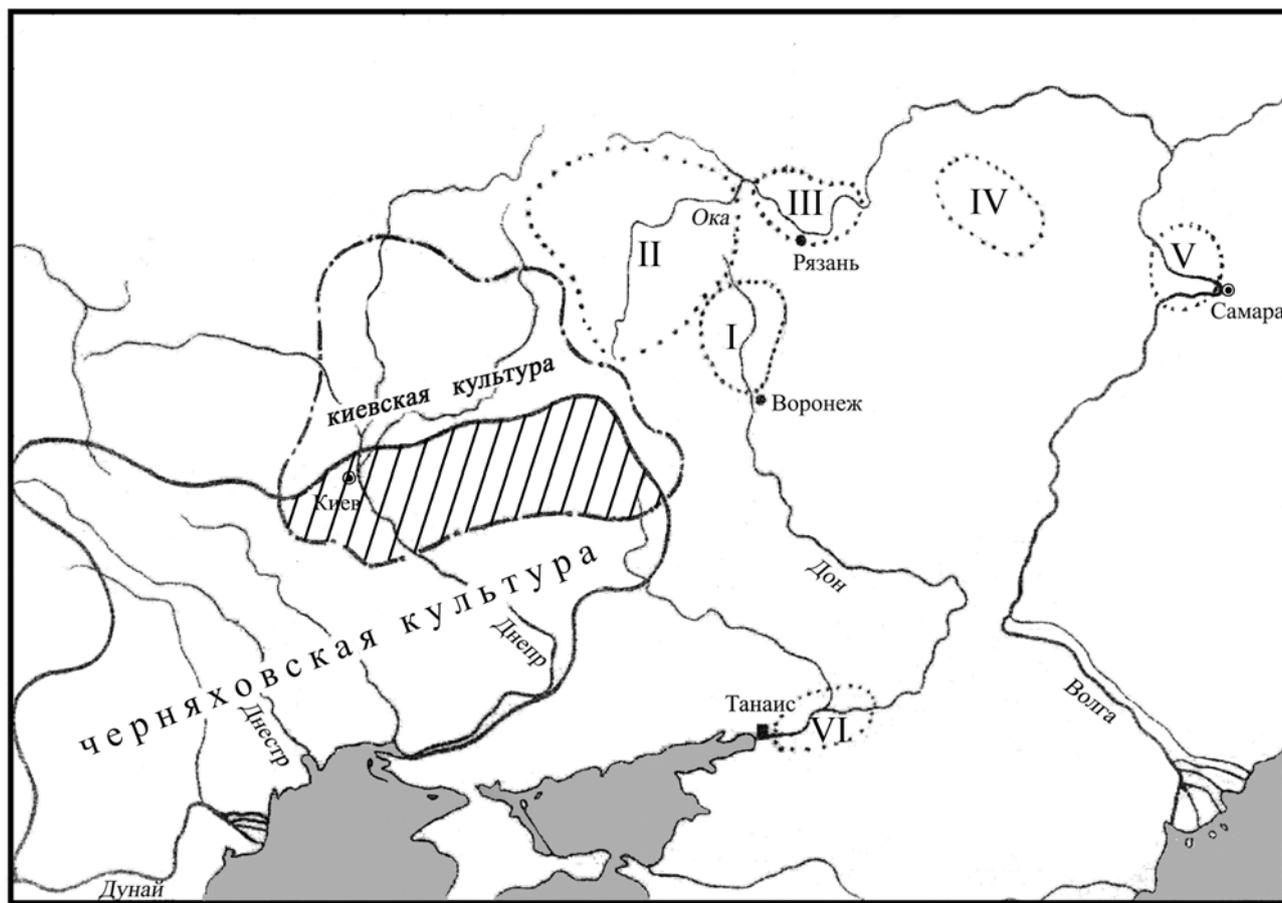

Рис. 3. Археологическая ситуация в Восточной Европе в позднеримское время:

I – верхнедонские памятники типа Каширки–Седелок; II – мощинская культура; III – рязано-окские могильники; IV – памятники селиксенского типа; V – памятники типа Лбище; VI – могильники алан-танаитов

Исходя из особенностей археологических памятников, В. Д. Баран разделил территорию черняховской культуры на три крупных региона: лесостепную зону Украины, Северо-Западное Причерноморье, междуречье Днестра, Прута и Дуная [19, с. 163–165]. Б. В. Магомедов недавно выделил внутри массива черняховских памятников девять регионов, отличающихся особенностями в домостроении, погребальном обряде и керамическом комплексе [22, с. 18]. Если исключить регионы на территории современной Румынии, оставленные везиготами-тервингами, их останется шесть:

1. Западная Украина – памятники Западной Подолии и юга Волыни, включая север Винницкой обл. и Житомирскую обл. с черняховскими древностями «типа Пряжев» и «волынской группы полей погребений».

2. Верхний Днестр – «верхнеднестровская группа памятников». К северу и западу от него располагаются памятники вельбарской и пшеворской культур, на правом берегу Днестра – культуры карпатских курганов.

3. Центральная Украина – Правобережье Днестра до Западной Подолии. На Волыни она непосредствен-

но соприкасается с юго-восточной областью вельбарской культуры. На востоке включает памятники вдоль левого берега Днестра. На юге граничит с соседними регионами «Нижний Днепр» и «Северное Причерноморье».

4. Восточная Украина – включает все остальные памятники Левобережья, а также пункты, расположенные в Курской и Белгородской областях России.

5. Регион Нижний Днепр – небольшая область Днепровских порогов. Восточнее и южнее расстилается Приазовская степь, оставшаяся во владении кочевых племен.

6. Регион Северное Причерноморье – побережье между устьями Дуная и Днестра, где расположены так называемые памятники «причерноморского типа».

По мнению Б. В. Магомедова, гревтунги-остроготы первоначально заняли Западную Украину и Южное Побужье. В дальнейшем они заселили практически всю территорию современной Украины от Днестра до Дона и часть юго-западных областей современной России [22, с. 139–140]. В результате наложения на местные субстраты получилась та весьма пестрая этнокультурная ситуация, которая в известной мере находит отражение в локальных

группах черняховской культуры. Хотя их выделение еще далеко от завершения, тем не менее, они, видимо, отражают сложный, изначально полиэтничный, характер черняховской культуры, которая, несмотря на нивелирующее воздействие позднеантичной цивилизации, так и не стала культурой единого народа.

Если обратить внимание на размеры территории (Черняховская культура занимала площадь свыше 400 000 км²), на единство стилия культурного ядра, то не остается сомнения в том, что мы имеем дело с так называемым крупномасштабным обществом [39, с. 3–24; 41]. Для сравнения укажем, что площадь территории современной Украины составляет чуть более 600 000 км². Следует заметить, что более масштабного образования в европейском Барбарикуме мы не знаем вплоть до возникновения Франкского королевства.

Иордан не раз упоминает о том, что Эрманарих покорил немало племен и поэтому носил пышный титул «триумфатора над многими народами». Среди них готский историк называет и герулов, и многочисленных венетов, и прибалтийских эстов, и средневожских *Merens* и *Mordens*, а также других «*arctoi gentes*» (Get., 116–119). Если верить Иордану, помимо причерноморского юга, в «державу» Эрманариха так или иначе, входили далекие северные области, населенные различными лесостепными и лесными племенами (рис. 4). Судя по перечню покоренных Эрма-

нарихом племен, созданная им «держава» имела выраженный полиэтничный характер. Поэтому следует допустить формирование у остроготов надплеменных институтов еще в Северном Причерноморье. Согласно свидетельствам Иордана, отношения между Эрманарихом и завоеванными им племенами складывались по принципу прямого «подчинения его законам», что приводило, по всей видимости, к образованию настоящей «варварской империи», с сильными центробежными тенденциями и возрастающим напряжением на периферии. Сама по себе королевская власть, как и всякая политическая власть, имеет тенденцию организовать подвластное население в нечто социально целое, новую этнополитическую общность, что мы и видим по археологическим материалам черняховской культуры.

Огромные размеры контролируемой Эрманарихом территории и немалое число подчиненных народов прямо свидетельствуют о мере его владычества. Не исключено, что оно проявилось даже в его имени. Почти сто лет назад З. Фейст предложил оригинальное толкование имени этого короля как гот. *Airmanariks*, где *Airman* – великий, знатный, благородный, а *reiks* – властелин, государь, судья [42, S. 132, 396]. Вслед за ним современный лингвист Н. А. Ганина реконструирует гот. форму *Ermanariks* из *Erman* – великий, могучий и *riks* – царь [43, с. 41]. Если это так, то *Ermanariks*, возможно, не личное, а почетное имя,

Рис. 4. Королевство Эрманариха и его ближайшее окружение: а – границы владений Эрманариха; б – границы лесостепи

титул, подчеркивающий владычество последнего остроготского короля, намного превосходящего властью своих предшественников – риксов.

По древней германской традиции готский король прежде всего управлял своим народом. Поэтому Иордан, говоря о готских королях, чаще всего употребляет глагол *regnare* (Get., 27) и производные от него; в одном случае – латинское выражение *tenens principatum* (Get., 121). Однако при описании деяний Эрманариха готский историк использует и другой глагол – *imperare*, подчеркивающий абсолютный характер его королевской власти над завоеванными народами – «*propriis laboribus imperavit*» (Get., 120). На наш взгляд, это выражение отражает иной характер владычества короля Эрманариха над покоренными народами, в сравнении с его же властью над соплеменниками, для которых он оставался *rex Gothorum* (Get., 119). В отношении некоторых побежденных народов (герулов, венетов) в «Гетике» употребляется еще более сильный глагол *servire* (Get., 118, 119). Рассказ Иордана о заговоре росомонов проливает некоторый свет на характер власти готского правителя и его отношений с подданными. Сам факт его жестокой расправы над знатной росомонкой Сунильдой может свидетельствовать о деспотическом характере власти последнего остроготского владыки. Известно, что позднее преемник Эрманариха, гораздо менее могущественный *regulus* Винитарий, для устрашения антов распыл побежденного их вождя Божа вместе с семьюдесятью старейшинами-«приматами» (Get., 247).

В связи с этим встает другой вопрос – о соотношении королевства Эрманариха и владений везиготского «судьи» Атанариха к западу от Днестра: являлся ли последний суверенным правителем или находился в зависимости от могущественного остроготского короля? Латинский термин *iudex* впервые употребляется в отношении Атанариха Аммианом Марцеллином (XXVI.5.6). Скорее всего, он соответствовал готскому титулу *kindins* [44, Р. 59]. По свидетельству греческого оратора Фемистия (X, 132), Атанарих был «судьей» (δῖκαστής) и даже отказался от предложенного ему римлянами титула βασιλεύς. В то же время Орозий (VII, 32, 9; 34, 6) именует Атанариха «королем», а Зосим то «гегемоном» (IV.10.1), то «архонтом» (IV.34.3).

Названные источники как будто бы дают некоторые основания говорить о суверенитете Атанариха [45, с. 85–88]. Однако присутствие отрядов гревтунгов на везиготской территории во время войны с императором Валентом в 369 г. (Amm. Marc., XXVII.5.6) указывает на то, что все-таки не следует преувеличивать масштабы везиготского суверенитета. Тем более что Иордан прямо сообщает об отделении везиготов от остроготов в канун падения их державы и гибели

короля Эрманариха (Get., 130). Значит, до этого времени они как-то ему подчинялись и входили в некую *societas*. Но при этом везиготы Атанариха проводили свою внешнюю политику, о чем, в частности, свидетельствует их участие в борьбе за константинопольский престол в 365–366 гг. на стороне Прокопия (Amm. Marc. XXVI. 10.31).

В качестве объяснения этой ситуации М. Б. Щукин высказал предположение, что оба вождя могли сосуществовать, представляя как бы «две ветви власти»: «судья» Атанарих был представителем старой родовой аристократии вождей-жрецов, а Эрманарих – вождей военных [3, с. 207–208]. Недавно близкую гипотезу предложил Ю. Б. Циркин, допуская, что «судья» Атанарих, находясь в подчинении остроготского короля, сохранил за собой ведение внутренних дел и особенно тех, что связаны с духовной жизнью племени и судом [45, с. 87]. Но оба эти любопытных предположения не находят подтверждения в источниках. Более того, у Аммиана Марцеллина можно найти указание на то, что «судьями» могли быть и не сакральные, а военные вожди, отличившиеся в битвах, как, например, у алан (XXXI.2.25).

Историки могут еще долго спорить о размерах владений Эрманариха и степени его военно-политического могущества. Но вряд ли у объективных исследователей остаются сомнения в том, что остроготская держава в IV в. далеко выходила за пределы территорий, населенных собственно готами [45, с. 83]. Остроготы сумели создать первое крупное территориальное варварское государство еще вне границ Империи. Во всяком случае, эфемерные ранние германские «королевства» вроде Маробода и Ванния, время от времени возникавшие на северных рубежах Римской империи, не идут ни в какое сравнение с остроготской державой при Эрманарихе [46, с. 187–190, 222–224]. Да и большинство «классических» варварских королевств V в. по размерам подвластной им территории намного уступали державе Эрманариха. Так, на землях бывшей римской провинции Паннонии в середине V в. сосуществовали сразу три остроготских королевства [48, с. 170], а на площади современной Бельгии и приграничных районов Франции в то время располагалось два франкских королевства [48, с. 39].

В заключение хотелось бы обратить внимание на один важный методологический аспект исследования королевства Эрманариха. До сих пор в российской медиевистике появление варварских королевств связывалось с синтезом позднеимперских и германских потестарных начал, возможным только после переселения варваров на территорию Римской империи. Когда владения Эрманариха на юге Восточной Европы рассматривались советскими учеными как «союз племен», а Остроготское королевство Теодориха Вели-

кого в Италии – как «варварское государство» вроде бы все логично выстраивалось в стройную эволюционную цепочку. Но для наблюдателя со стороны и подвластные Эрманариху земли представлялись королевством – *regnum Gothorum*, а сам он именовался *rex*. Еще раз обратим внимание на огромные размеры его владений, вполне сопоставимые с самыми крупными западноевропейскими варварскими королевствами V–VII вв. В пользу варварского государства свидетельствует полиэтничность подданных Эрманариха, никак не совместимая с родоплеменным строем. Наконец, нельзя сбрасывать со счетов начавшийся синтез достижений античной цивилизации и местной варварской культуры в рамках *regnum* Эрманариха, которое могло включать и причерноморские античные города Ольвию, Тиру, а может быть, на время даже и Боспор. Уже по этим внешним критериям королевство Эрманариха следует считать ранним государством. Поэтому, очевидно, назрел вопрос о разработке новой, более гибкой типологии варварских королевств, свободной от схематизма советской медиевистики 50–70-х гг. прошлого века.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Щукин М. Б.* Феномен черняховской культуры эпохи Константина–Констанция, или что такое черняховская культура / М. Б. Щукин // *Stratum plus : время «Ч»*. – СПб. ; Кишинев, 1999. – № 3.
2. *Топоров В. Н.* Древние германцы в Причерноморье : результаты и перспективы / В. Н. Топоров // *Балтославянские исследования*. – М., 1983.
3. *Щукин М. Б.* Готский путь (готы, Рим и Черняховская культура) / М. Б. Щукин. – СПб., 2005.
4. *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен. Доисторическое время Руси / И. Е. Забелин. – М., 1908. – Ч. 1.
5. *Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси / Б. А. Рыбаков. – М., 1987.
6. *Петрухин В. Я.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье / В. Я. Петрухин, Д. С. Раевский. – М., 1998.
7. *Зиньковская И. В.* О новых подходах к интерпретации списка «северных народов» в «Гетике» Иордана / И. В. Зиньковская // *ЭО*. – 2011. – № 4.
8. *Безуглов С. И.* Аланы-танаиты : экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии / С. И. Безуглов // *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г.* – Азов, 1990. – Вып. 9.
9. *Симоненко А. В.* Европейские аланы и аланы-танаиты / А. В. Симоненко // *РА*. – 2001. – № 4.
10. *Левада М. Е.* Миф о городищах черняховской культуры / М. Е. Левада // *Готы и Рим*. – К., 2006.
11. *Ammianus Marcellinus.* *Römische Geschichte* / Lat. und deut. von W. Seyfarth. – Berlin, 1971. – Teil 4.
12. *Аммиан Марцеллин.* Римская история / пер. Ю. Кулаковского и А. Сонни. – СПб., 1994.
13. *Вольфрам Х.* Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии) / Х. Вольфрам. – СПб., 2003.
14. *Вульпе Р.* Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра / Р. Вульпе // *МИА Юго-Запада СССР и РНР*. – Кишинев, 1960.
15. *Федоров Г. Б.* Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э. / Г. Б. Федоров // *МИА*. – 1960. – № 89.
16. *Дзиговский А. Н.* Очерки истории сарматов Карпато-Днепровских земель / А. Н. Дзиговский. – Одесса, 2003.
17. *Дзиговский А. Н.* Палеохронологические аспекты датировки Нижнего Траянова вала / А. Н. Дзиговский, Ф. Н. Лисецкий // *Археология и этнология Восточной Европы*. – Одесса, 1997.
18. *Васильев А. А.* Сарматы и черняховское население Буджака второй половины III – начала V вв. н.э. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Васильев. – Киев, 2008.
19. *Баран В. Д.* Черняхівська культура : за матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу / В. Д. Баран. – Київ, 1981.
20. *Зиньковская И. В.* Готская «держава Германариха» в свете новейших историко-археологических исследований / И. В. Зиньковская // *Исторические записки*. – Воронеж, 2003. – Вып. 9.
21. *Буданова В. П.* Готы в эпоху Великого переселения народов / В. П. Буданова. – СПб., 1999.
22. *Магомедов Б. В.* Черняховская культура. Проблема этноса / Б. В. Магомедов // *Monumenta Studia Gothica I*. – Lublin, 2001.
23. *Плетнева С. А.* От кочевий к городам / С. А. Плетнева // *МИА*. – 1967. – № 142.
24. *Плетнева С. А.* Очерки хазарской археологии / С. А. Плетнева. – М. ; Иерусалим, 2000.
25. *Гринин Л. Е.* Социальная макроэволюция и исторический процесс (к постановке проблемы) / Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев // *Философия и общество*. – 2007. – № 2.
26. *Приходнюк О. М.* О культурно-историческом содержании археологических общностей (к проблеме интерпретации черняховской культуры) / О. М. Приходнюк // *Stratum plus: время великих миграций*. – СПб. ; Кишинев, 2000. – № 4.
27. *Приходнюк О. М.* Археологические общности периода перехода к раннеклассовым образованиям / О. М. Приходнюк // *Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. – V в. н. э.)*. – Тирасполь, 2002.
28. *Войнарковский В. Н.* Проблема культурной атрибуции памятников типа Черепин III–V вв. н. э. (производственный комплекс Гряды I около Львова) / В. Н. Войнарковский // *Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов*. – Тула, 2010. – Ч. 2.
29. *Брайчевський М. Ю.* Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н.э. / М. Ю. Брайчевський // *Археологія*. – 1994. – № 3.

30. Гей О. А. Черняховская культура / О. А. Гей, Э. А. Сымонович // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. – первой половине I тыс. н. э. (Археология СССР). – М., 1993.
31. Терпиловский Р. В. Киевская и черняховская культуры : проблемы контактов / Р. В. Терпиловский // Stratum plus : время великих миграций. – СПб. ; Кишинев, 2000. – № 4.
32. Терпиловский Р. В. Славяне Поднепровья в первой половине I тыс. н. э. / Р. В. Терпиловский // Monumenta Studia Gothica III. – Lublin, 2004.
33. Обломский А. М. Этническая ситуация в лесостепном Подонье в позднеримское время / А. М. Обломский // Проблемы славянской археологии : труды VI Междунар. конгресса славянской археологии. – М., 1997. – Т. 1.
34. Обломский А. М. О памятниках лесостепного Подонья позднеримского времени / А. М. Обломский // Верхнедонской археологический сборник. – Липецк, 2001. – Вып. 2.
35. Острая Лука Дона в Древности. Замятинский археологический комплекс гуннского времени. – М., 2004.
36. Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. / Б. А. Рыбаков. – М., 1982.
37. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. (Археология СССР) / отв. ред. И. П. Русанова, Э. А. Сымонович. – М., 1993.
38. Некрасова А. Н. Памятники черняховской культуры Днепровского Левобережья / А. Н. Некрасова // Готы и Рим. – Киев, 1986.
39. Березкин Ю. Е. Америка и Ближний Восток : формы социополитической организации в догосударственную эпоху / Ю. Е. Березкин // ВДИ. – 1997. – № 2.
40. Ковалев С. А. Становление культурной общности в крупномасштабном сложном обществе : автореф. дис. ... канд. ист. наук / С. А. Ковалев. – Омск, 2006.
41. Лавров В. В. О характере власти у готов в IV в. н. э. / В. В. Лавров // Античное общество : тез. докл. науч. конф. (29–30 октября 1996 г.). – СПб., 1996.
42. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger Zerstreuter Überreste des Gotischen / S. Feist. – Leiden, 1939.
43. Ганина Н. А. К интерпретации сообщения Иордана об Эрманарихе (Getica, 116–130) / Н. А. Ганина // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст : материалы конф. – М., 2003.
44. Heather P. Goths and Romans 332–489 / P. Heather. – Oxford, 1991.
45. Циркин Ю. Б. Испания от античности к Средневековью / Ю. Б. Циркин. – СПб., 2010.
46. Щукин М. Б. На рубеже эр / М. Б. Щукин. – СПб., 1994.
47. Корсунский А. Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.) / А. Р. Корсунский, Р. Гюнтер. – М., 1984.
48. Лебек С. Происхождение франков, V–IX вв. / С. Лебек. – М., 1993.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ЭО – Этнографическое обозрение
РА – Российская археология
МИА – Материалы и исследования по археологии
ВДИ – Вестник древней истории
ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры

Воронежский государственный университет
Зиньковская И. В., доктор исторических наук,
доцент кафедры истории Средних веков и
зарубежных славянских народов
E-mail: zinkovi@yandex. ru
Тел.: 224-75-14

Voronezh State University
Zinkovskaya I. V., Doctor of the Historical
Science, Associate Professor of the Department of His-
tory of the Middle Ages and Foreign Slavic Studies
E-mail: zinkovi@yandex. ru
Tel.: 224-75-14